

Елена Серебрякова
Воронежский госуниверситет, Россия

«МЫ ОТМЫВАЛИ ГРЯЗНОЕ ВРЕМЯ...»
СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ
ИМПЕРАТИВ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»

«Оттепель» в советской художественной культуре явилась периодом обострённой моральной самооценки интеллигенции, интенсивного поиска путей высвобождения личностной этики из-под гнёта тотальной коллективности и вдумчивого размышления о нравственном соответствии политических средств и цели. Актуализированные XX съездом партии, эти проблемы вошли в общественное сознание, философскую мысль и художественное творчество.

Советские философы в вопросах этики отталкивались от следующих базовых марксистских принципов: нравственность носит исторический и объективный характер, классовая мораль исторически закономерна, в ценностной иерархии общечеловеческая мораль доминирует, но в ситуации обострённой классовой борьбы становится отдалённым идеалом, а приоритетным положением пользуется мораль социально-классовая. Мораль в целом трактуется функционально: будучи надстройкой над экономическим базисом, она служит укреплению или подрыву государства. Советская философская мысль 1960-х годов отзывается на главную «идею времени» (Георгий Гачев) — идею личной ответственности человека за происходящее в социуме, шире — в мире. Общечеловеческая, классовая и индивидуальная мораль, по мнению философов, могут и должны быть согласованы между собой (см. труды тех лет Олега Дробницкого, Леонида Архангельского, Гелы Бандзеладзе, Абдусалама Гусейнова, Зои Бербешкиной, Людмилы Волченко и др.). А значит, этика не разделяема на прикладную — низовую, применимую в быту, и высоко теоретическую. Каждый поступок человека, в частной жизни или социальной, нравственен или нет, выявляет его меру сопричастности общенародной и общечеловеческой морали. Так, практическая направленность этических учений, типичная для

русской философии, приводит к морально-нравственному ригоризму советской философии 1960-х годов.

В художественной культуре тех лет проблема нравственного выбора личности является одной из центральных. Литература зачастую решает её в экзистенциальном плане — не только как выбор между честью и бесчестьем, долгом и совестью, но и как поиск героем себя или потерю личностной идентичности в разнообразных жизненных обстоятельствах. Военная, городская, деревенская проза в соответствии со спецификой темы размышляет об ответственности человека за избранную им этическую позицию. Юлий Даниэль в рассказе *Искушение* (1964) повествует о герое, осознавшем собственную причастность к государственному террору сталинской поры. Он, художник, был, по прежнему твёрдому убеждению, далёк от политики, и вот теперь, после ложного обвинения в соучастии с НКВД и доносительстве, оценил свою былую отстранённость как нравственную вину, не поддающуюся искуплению. Показательно, что вывод Даниэля о всеобщей ответственности за социальные преступления режима перекликается с идеей Карла Ясперса о неизбежности вины немецкого народа за фашизм. Так художественное сознание десятилетия двигалось в одном направлении с философской мыслью эпохи, не только советской, но и европейской.

Оценить общественное сознание тех лет можно на примере анализа дневниковых и мемуарных текстов, количественная масса которых позволяет говорить об особом внимании творческой интеллигенции к этим жанрам, традиционно являвшимся маргинальными в художественном творчестве. Едва ли можно назвать иную эпоху, оставившую большее количество воспоминаний и дневников. Обострённая рефлексия поколения, настойчивое стремление к самоидентификации заставляли представителей официальной культуры и неконформистов в равной степени интенсивно выговариваться перед современниками и потомками. Показательным примером этических принципов шестидесятников являются дневники Александра Твардовского 1961–1970 годов и книга Александра Солженицына *Бодался телёнок с дубом* (1975), составленная на основе дневниковых записей 1960 — начала 1970-х годов. Сопоставление текстов позволяет выявить сходство и различия нравственных установок представителей официальной культуры и контркультуры.

Твардовский и Солженицын — знаковые фигуры для своей эпохи. Твардовский, кандидат в члены ЦК партии, член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, депутат Верховного Совета СССР, неоднократный лауреат Государственных и Ленинский премий, в те годы

главный редактор журнала «Новый мир», занимал в общественной и литературной жизни страны статус духовного лидера либеральной интеллигенции, не противопоставлявшей себя официальной власти. По свидетельству Алексея Кондратовича, все заявления об оппозиционности «Нового мира» главный редактор воспринимал не иначе как провокацию и категорически отвергал. Солженицын, триумфально введённый в литературную и общественную жизнь Твардовским, в 1963 году выдвинутый на соискание Ленинской премии, к моменту получения Нобелевской в 1972 был исключён из Союза Писателей СССР, окончательно и безоговорочно выброшен из официальной литературы, в 1974 году — выслан из страны, но оставался для свободомыслящих людей, по определению Лидии Чуковской, «человеком-преданием, человеком-легендой», прорвавшим «блокаду немоты» в обществе¹.

При очевидной несхожести судеб, человеческих и творческих, Твардовский и Солженицын в начале 1960-х годов были во многом близки по этическим принципам. Их сближала тогда вера в возможность гуманистического по характеру и демократического по принципам управления страной социализма.

Владимир Лакшин писал об этом так:

Конечно, «Новому миру» было на чём сойтись с Солженицыным. Нам тоже не нравился казённо-бюрократический социализм, мы защищали человеческую правду против формальной, мы приходили в содрогание от ужасов сталинского лагеря и протестовали, где могли, против изощёренных форм общественного лицемерия. Но мы верили в социализм, как в благородную идею справедливости, в социализм с человеческим нутром, а не лицом только. Для нас неоспоримы были демократические права личности. Мы искали опору своему чувству и убеждению в народе — и, боясь истасканности и фальшивой декламационности этого понятия, всегда дорожили чувством общего с трудовыми людьми. Для Твардовского это попросту было второй его природой².

Справедливость замечания Лакшина о сходстве мировоззренческой позиции Солженицына и Твардовского тех лет подтверждается реакцией партийных властей, официальной критики и общественности на первый рассказ писателя. Никита Хрущёв оценил *Один день Ивана Денисовича* как «вещь жизнеутверждающую», написанную «с партийных позиций»³. Ряд литераторов (Илья Эренбург, Лев Копелев) видели

¹ Л. Чуковская: *Сочинения: в 2 т.* Т. 2. Москва: «Гудьял-Пресс» 2000, с. 169.

² В. Лакшин: *Солженицын, Твардовский и «Новый мир»*. В кн.: В. Лакшин: *Солженицын и колесо истории*. Москва.: Издательский дом «Вече», «АЗ» (Знатнов) 2008, с. 171.

³ А. Твардовский: *Новомировский дневник: в 2 т.* Т. 1: 1961–1966. Москва: ПРОЗАиК 2009, с. 123.

в отдельных эпизодах (в частности в сцене труда Шухова) традиции соцреализма⁴. О рассказе *Для пользы дела* Твардовский записал в дневнике: «И за самое ребро, и абсолютно по-партийному»⁵. Такая реакция не была результатом всеобщих заблуждений или стереотипности читательского восприятия. Ранняя проза Солженицына, действительно, воспроизводит ряд приёмов, типичных для поэтики соцреализма, в частности фиксирует конфликт человека с социальными пороками и традиционное разрешение в пользу личности, незыблемости её нравственных оснований.

Утверждая возможность гуманистического социализма, либерально мыслящая интеллигенция была убеждена не просто в возможности, но и в необходимости тождества этики с политикой. Государственная деятельность во всех сферах управления страной должна быть нравственной и по целям, и по средствам. Михаил Шатров нашёл для выражения этой мысли художественную формулировку в одной из пьес: «Диктатура совести» — таким мыслился идеал социально справедливого общества и либеральной интеллигенции, и неконформистам.

Демократизация, заявленная XX и XXII съездами КПСС как политическая тенденция, трактовалась партией как освобождение от сталинизма во всех сферах государственной жизни. Интеллигенция, осмысливая свою общественную роль в духе просветительских концепций, выдвигала на первое место идею нравственного долга перед народом: он заключался в духовном высвобождении и раскрепощении сознания нации, «разбуживании общественного сердцебиения»⁶. Так политическая цель — десталинизация — получила этическое наполнение и потребовала практической реализации: нравственное очищение возможно после открытия всей полноты правды о бесчинствах сталинского режима. Рассказать о них — нравственная задача интеллигенции. Именно этой потребностью в «главной правде» объясняет Солженицын свои усилия по опубликованию *Ивана Денисовича*:

Исконному эзку, сыну ГУЛага, почти недоступно верить в лучшее [...].

Как бы ни гремел XXII съезд, какой бы памятник ни сулились поставить погибшим энкам [...], а поверить, что вот уже пришло время правду говорить — ну в это же поверить нельзя, ну слишком отучены головы наши, сердца и языки! Мы уже смиренны, что и никогда не скажем правды и никогда не услышим⁷.

⁴ В. Лакшин: *Дневники и попутное*. В кн.: В. Лакшин: *Солженицын и колесо истории...*, с. 213.

⁵ А. Твардовский: *Новомиргский дневник...*, с. 181.

⁶ А. Солженицын: *Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни*. Париж: YMCA-PRESS 1975, с. 69.

⁷ Там же, с. 24.

Лакшин в дневниках тех лет дал Солженицыну такую характеристику: «Да, он фанатик литературы. Аввакум XX века — его творчество — самосожжение, почти религиозная страсть говорить правду»⁸. В 1974 году Солженицын обратился к современникам с призывом «Жить не по лжи». Хотя с философской точки зрения фразы «жить не по лжи» и «жить по правде» имеют разные смысловые акценты и не являются синонимичными, в общественном сознании они однозначны. Невнимание автора к семантическим нюансам выдаёт его ориентацию на самые широкие читательские круги, равнодушные к полутонам значений. В статье описана модель личного поведения человека в повседневно-бытовой практике. Неприятие лжи, как учит автор, должно повлечь за собой действенное от неё уклонение: отказ подписывать письма или документы, содержащие фальшь, выписывать и читать официальные газеты, голосовать за сомнительных кандидатов, участвовать в собраниях, демонстрациях и проч. Нравственный ригоризм определяет логику умопостроений автора. Категоричность нравственных императивов, способная при следовании всем рекомендациям автора привести к асоциальности личности, выдвигается как единственно приемлемая для честного человека позиция. Очевидно, что между личностной этикой и социальной практикой Солженицын не делает различий.

Полная правда о времени и человеке — главное требование Твардовского. В 1965 году он признавался: «[...] в журнале мы стремимся писать только правду, но это не всегда легко делать»⁹. В другом месте записал любимые слова Эренбурга, цитату из Монтескье: «Если я обязан умереть за родину, то не обязан лгать во имя её»¹⁰. И сокровенное: «Линия журнала — линия жизненной правды»¹¹. На конгрессе Европейского сообщества того же года говорил: «Искусство мстительно. Оно жестоко расправляется с теми художниками, которые вольно или невольно изменяют его законам — законам правды и человечности»¹².

«Правда» для Твардовского и Солженицына — этический закон, реализуемый прежде всего в творческом поведении и подкреплённый повседневной практикой.

Нравственная цельность личности Твардовского реализовалась во всех сферах поведения — повседневно-бытового и профессионального. Честь, совесть и достоинство — принципиальные этические

⁸ В. Лакшин: *Дневники и попутное...*, с. 340.

⁹ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 1, с. 625.

¹⁰ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 2, с. 68.

¹¹ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 1, с. 519.

¹² Там же, с. 628.

категории — являлись ориентирами практической деятельности. В дневниках главного редактора «Нового мира» тому есть множество подтверждений: объясняя в письме Константину Воронкову, секретарю правления СП СССР, непосредственному куратору журнала, свой отказ подписать послание литераторам Чехословакии с одобрением ввода советских войск в их страну, Твардовский мотивировал это тем, что «его содержание представляется [...] весьма невыгодным для чести и совести советского писателя»¹³. Это письмо датировано 5 сентября 1968 года. Несколько раньше, 23 августа, «Таймс» опубликовал письмо 88 литераторов СССР (без подписей) к Чехословацким коллегам (его авторство к творческим кругам приписывали поэту Григорию Поженяку, хотя о своём авторстве заявлял поэт Пётр Вегин) со словами «простите нас, простите Россию». Твардовский в связи с этим зафиксировал общее настроение среди интеллигенции: «[...] по этому признаку [подписал — не подписал, и какое из писем подписал — Е.С.] люди разговаривают или не разговаривают или даже не здороваются»¹⁴. Эта запись создаёт полную картину общественного настроения, демонстрирует высокую степень духовной общности в творческих кругах, обнаруживает всю меру ответственности интеллигенции за социально-политические решения страны.

Достоинство, по Твардовскому, мерило личной и писательской позиции: например, литературное поведение Андрея Вознесенского часто оценивается им как поспешно-суетливое в общественных акциях, лишённое подлинной гражданственности. В 1967 году секретариат СП отказал Вознесенскому в разрешении выезда на фестиваль поэзии в Нью-Йорке, сообщив принимающей стороне о болезни поэта. В ответе Вознесенского, предназначенном для «Правды», но опубликованном в западногерманском журнале «Грани», содержалось обвинение в адрес секретариата во лжи и подрыве престижа советской литературы. Результатом был гнев властей и покаянное письмо Вознесенского в «Литературной газете». Твардовский считал такое поведение недопустимым, поскольку был убеждён, что отмежевание от своих слов приносит колоссальный вред репутации литератора в обществе и «порождает представление о писателях как о людях неразборчивых в морально-этическом плане, лишённых собственного достоинства или всецело зависящих от 'указаний'»¹⁵.

Именно достоинством и спокойным мужеством подкупал Твардовского Солженицын:

¹³ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 2, с. 221.

¹⁴ Там же, с. 228.

¹⁵ Там же, с. 522.

С[олженицын] заплатил за каждую свою страницу и строку как никто из нас, судящих и редящих сейчас, что с ним делать. Война, тюрьма, смертельная болезнь — высшие испытания человеческого духа. А ныне [запись сделана в 1968 году, после очередного разбора на секретариате СП «дела Солженицына» — Е.С.] ещё четвёртое — организованное гонение, внелитературные средства борьбы против него (невольное признание его неуязвимости в литературном плане). И он переносит его с завидным достоинством¹⁶.

Годом раньше датирована схожая по тону запись:

В чём была и есть сила Солженицына — в его идейности и убеждённости. Он верит в то, что говорит, слушаясь своей совести и разума [...]. Корнейчуки и т.п. говорили не то, что чувствовали и знали, — велений совести, как, пожалуй, самой совести, там не было [речь идёт о выступлении А.Е. Корнейчука против Солженицына на секретариате СП — Е.С.]¹⁷.

В представлениях о человеке шестидесятники отгалкивались от рационалистической парадигмы: человек от природы наделён нравственным фундаментом: он гуманен, отзывчив к добру и справедливости, обладает потребностью в духовной свободе. Социально совершенное общество укрепляет и развивает лучшие качества человека, антигуманный строй, сродни сталинскому, способен разрушить нравственные основания личности. Твардовский по поводу нападок на статью Лакшина *Иван Денисович, его друзья и недруги* в Московском отделении СП в 1964 году записал в дневнике:

Эти люди [громившие статью Лакшина и рассказ Солженицына — Е.С.] вообще по природе своей, по крови были способны врать и подличать — это было их затаённым призванием. Когда же оказалось, что это можно делать (врать и подличать) во имя социализма и коммунизма, они удесятерили свои старания¹⁸.

Рационализм в трансформированном варианте вошёл в марксизм. Вписываясь в рационалистическую парадигму в восприятии человеческой личности, «шестидесятники» оставались советскими по ментальности людьми.

Противостоять бездушным чиновникам, разноликим «комиссарам собственной безопасности» (определение, данное Константину Федину) в борьбе за каждое слово правды и всякую человеческую судьбу, по Твардовскому, не подвиг, а ежедневная кропотливая работа: «Нечего больше делать, как только отламывать по кирпичику, выламывать,

¹⁶ Там же, с. 119.

¹⁷ Там же, с. 89.

¹⁸ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 1, с. 228.

выкрошивать эту стену»¹⁹. Именно так проверяется личностная и гражданская мера человека. Так живёт и он сам: в 1967 году, отправляя письмо Федину о необходимости публикации в «Новом мире» *Ракового корпуса*, Твардовский понимал безрезультативность своих действий, но был убеждён: «Это единственное, что должен и могу сделать, не теряя времени и безотносительно к результату такой акции»²⁰. Так Твардовский выстраивал свою онтологию: в ежедневном выборе между житейской прагматикой и нравственным бытием проверяется самая суть человека, социальная история и политика получают гуманистическое измерение. И в этих мировоззренческих принципах у Твардовского и Солженицына не было расхождений.

Общегуманистическая традиция, которую исповедовали они оба, представители официальной и контркультуры, едина: она предполагает свободу личности от нерассуждающей веры, догм, конформизма, сознательную волю к действию без государственного, социального, национального, религиозного или иного насилия. Неприемлемо также историческое насилие ради благих идеалов.

Рассуждая о разрушительной силе сталинизма и в целом тоталитаризма на умы и души людей, «шестидесятники» неизменно делали акцент на проблеме личной ответственности: жертвы позволили этому случиться, так как сознание их было несвободным. Они сделали тоталитаризм реальностью вместе с режимом, а значит, освобождение надо начинать с себя. Не хочешь быть жертвой — борись. При этом представители либеральной интеллигенции, сохранявшие, подобно Твардовскому, веру в социализм нравственного толка, продолжали надеяться на возможность улучшения системы изнутри. Диссиденты, не полагаясь на способность госаппарата отказаться от подавления личности, находили иной путь — конфронтацию с режимом.

Как видим, нравственные требования либеральной интеллигенции и диссидентов были выражением одного культурного феномена. Но различия в средствах борьбы за нравственную свободу определило разницу в методах и средствах реализации общих этических ценностей.

Гуманистический социализм — цель, в которой этика слита с политикой. Значит, достижение её возможно только при неотступном следовании нравственным нормам: этика — базовая ценность, универсальная и абсолютная, основанная на общечеловеческой морали, не разделяемая на прикладную и теоретическую, бытовую и общеполитическую. Либеральная интеллигенция, сохранявшая свой статус

¹⁹ Там же, с. 231.

²⁰ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 2, с. 116.

внутри официальной культуры, действовала в соответствии с этими принципами.

Нонконформисты, отталкиваясь от тех же мировоззренческих позиций, по мере ожесточения государственного давления и идеологического противостояния всё более отдалялись от восприятия этики как базовой ценности (хотя и продолжали опираться на морально-нравственные критерии в оценках социально-политических явлений) и приходили, как это ни парадоксально, к большевистским принципам толкования этики. «Нравственность — идеологическая функция в классовой борьбе», — заявлял Лев Троцкий. Житейское поведение диссидентов зачастую полностью соответствовало этому лозунгу. Мария Розанова рассказывала (док. фильм *Абрам да Марья* (2008 г.), реж. Александрина Вигилянская), как оклеветала одну из надзирательниц в тюрьме, где содержался Андрей Синявский. Побудительным мотивом к ложному доносу послужила тогда мысль «почему, собственно, нашим врагам должно быть хорошо, если нам плохо?». Постановка вопроса и поступок Розановой вполне укладываются в логику социально-классовой этики. В мире, расколотом по идеологическому принципу на «своих» и «чужих», с единомышленниками необходимо соблюдать этические нормы, а с врагами действует правило «На войне как на войне».

Вот только граница между полюсами зачастую бывала зыбкой, потому в среде диссидентов столь часто возникали фобии предательства, измены, провокаций, сотрудничества одного из «своих» с КГБ. Раиса Орлова, жена Копелева, зафиксировала в дневнике один из таких эпизодов: Копелев передал в «Новый мир» рукопись правозащитника Анатолия Марченко. В ближайшем окружении это было воспринято как провокация, способная привести к разгону редакции журнала, над которым и без того сгустились тучи. Возникло саморасследование, Орлова прокомментировала это так:

Боже мой, зачем же мы сами занимаемся ИХ делом. Расследуем, допрашиваем. Тень застенка на всей нашей жизни. Живём по ИХ законам [выделено автором — Е.С.]. Главное в сопротивлении полицейскому государству — не дать себя вовлечь, впустить в душу. Жить по своим, а не по чужим законам²¹.

«Освобождающиеся не свободны»²². Этот вывод рождён глубокой рефлексией и тревожной совестью.

²¹ Р. Орлова: *Родину не выбирают. Я вернусь...Из дневников и писем 1964–1988*. «Вопросы литературы» 2010, № 5, с. 286.

²² Там же, с. 296.

Книга Солженицына *Бодался телёнок с дубом* демонстрирует, как при нравственном ригоризме этика превратилась в ценность инструментальную, вспомогательную в классовой борьбе.

Знакомство с ней вызвало обиду, возмущение и горечь у всех, кто не понаслышке знал подлинную историю взаимоотношений Твардовского, Солженицына и редакции «Нового мира». Дочь Твардовского приводила в комментариях к дневникам отца фрагмент из послания Солженицына 18 июня 1969 года, когда работа над книгой «очерков литературной жизни» уже велась: «Слежу (с помощью радио и слухов) за драматическим Вашим стоянием — и восхищаюсь Вашей твёрдостью, в которой, впрочем, я не сомневался». И ещё: «Новый мир» — «Единственный журнал, по которому будут потомки судить, что мы за люди и как и чем мы жили». Сопоставляя эти фразы с обвинениями журнала в компромиссности, жизни «на коленях», «с нераспряmlённой спиной», она восклицает: «Когда читаешь письма А.И. Солженицына, сохранившиеся в архиве А.Т. [Александра Твардовского — Е.С.], не оставляет ощущение, что *Телёнка* написал совсем другой человек»²³. Ещё более эмоционально отреагировал Лакшин:

Когда летом 1975 года я прочитал впервые изданные в Париже мемуары Солженицына, не сразу мог поверить, что это им написано, подумал, что заболеваю. Слишком я любил и почитал этого человека и писателя, чтобы равнодушно выслушать его, мягко говоря, пристрастный суд о журнале «Новый мир», о Твардовском, о людях, которых близко знал. Невеликодушные его памяти меня ошеломили²⁴.

Впрочем, в отличие от друзей и родных, сам Твардовский достаточно быстро научился разделять в Солженицыне личность и художника, понимая, что этика повседневная в его случае не равна творческой, писатель гораздо значительнее и крупнее человека. В 1967 году он записал в дневнике: «Полное пренебрежение судьбой журнала, людей, которые из-за него терпят, мягко говоря, недоверие (Лакшин, не говоря уж обо мне) [...] Его самого я уже просто не люблю»²⁵. Через год, в дни отчаянной борьбы за Солженицына на секретариате СП, заметил: «Для него мы, т.е. «Новый мир» и я — одно из звеньев враждебной ему системы, которое ему удалось прорвать и которому он не чувствует себя сколько-нибудь обязанным»²⁶. «Не хочет он уронить себя в глазах

²³ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 2, с. 572.

²⁴ В. Лакшин: *Дневники и попутное...*, с. 124–125.

²⁵ А. Твардовский: *Новомирский дневник...*, Т. 2, с. 106.

²⁶ Там же, с. 147.

‘Запада’, потерять интерес, питаемый к нему там»²⁷. Прозорливость этих высказываний Солженицын подтвердил спустя несколько лет.

Действительно, осознать мотивы, двигавшие человеком, взывавшим к современникам «жить не по лжи» и создавшим фальсифицированную историю своих отношений с главным демократическим журналом эпохи, невозможно без ключевых слов Твардовского, приведённых выше. Воспринимая этику по-советски — в её функциональном назначении, как инструмент политического расшатывания системы, Солженицын считал себя вправе отступать от её универсальных правил при создании мемуаров, на его взгляд идеологически верных с точки зрения показа классовой борьбы диссидентов с тиранией.

Концепция книги логически выверена и сведена к решению идеологической задачи. По этой концепции, современное советское государство по-прежнему руководствуется сталинскими методами управления страной. Этот режим антигуманен и безнравствен. Служить ему, находиться внутри системы — значит обречь себя на нравственную гибель. Деформация личности в таком случае неизбежна: Твардовский якобы авторитарен, окружает себя угодливыми редакторами — «сворой изошрённых иезуитов и политиканствующих ничтожеств», как с горькой иронией заметил Лакшин²⁸. Моменты нравственного просветления или потрясения, как после знакомства с книгами подлинной правды, например с творениями Солженицына, сопровождаются пьянством — попытками заглушить большую совесть.

Единственный способ уберечь свою душу от гибели — исключить даже мысль о возможном вживании в систему, построить обособленное, отдельное существование, погрузиться в творчество и руководствоваться не житейскими целями — опубликованием, признанием и проч., а бытийными — осознать своё писательство как миссию. Так Солженицын выстраивает свою этику: за правду о времени писатель ответствен не перед властью земной, а перед Богом, только ему подвластен. Казалось бы, толкование писательства как божьего поручения вполне в духе православной традиции. Агиографические мотивы, обильно снабжающие текст, призваны усилить это впечатление. Но у Солженицына религиозные аллюзии подчинены идеологической задаче — указывают иную идеологию, отличную от марксистской, противостоящую ей. Вероятно, этот прагматизм в обращении к религии и ощутил Лакшин, когда утверждал: «В христианство его я не верю».

²⁷ Там же, с. 149.

²⁸ В. Лакшин: *Дневники и попутное...*, с. 173.

Деспотия государства, убеждён Солженицын, проявление политической слабости. Осознав это, личность, сохранившая гражданскую совесть, выберет единственно достойную модель поведения — героическое сопротивление. Тирании Солженицын стремится противопоставить сокрушительную энергию духовно свободной личности. Собственный пример автора — наглядное свидетельство бесполезности борьбы одиночки с системой. Так в книге рождается миф о «литераторе-подпольщике», ведущем свою, индивидуальную войну с режимом. Единомышленники (Даниэль, Синявский, Петр Григоренко, Рой и Жорес Медведевы и др.) упомянуты в тексте, но составляют задний план. На авансцене выступает герой-одиночка, опережающий политических врагов в скорости нанесения ударов, вынуждающий власть обороняться от его наступательной тактики и в конце концов побеждающий схватку за схваткой.

Такая художественная модель мира должна утвердить в сознании читателей непреложность очевидной, по мнению автора, истины: государство, нуждающееся в улучшении социального строя, может быть усовершенствовано. Для этого достаточно единства воли и нравственных усилий всех его граждан. «Я никогда не сомневался, что правда вернётся к моему народу. Я верю в наше раскаяние, в наше душевное очищение, в национальное возрождение России»²⁹ — гласят финальные строки. Как видим, политика вновь проверяется этикой, ценности общечеловеческие, в случае Солженицына православные, подчиняются идеологии.

Показательно в этом фрагменте и другое: в основе темпорального восприятия истории лежит позитивистская парадигма, усвоенная марксизмом от культурной традиции Нового времени. Так антикоммунист Солженицын обнаруживает советскую основу сознания.

Солженицын писал *Телёнка* в течение восьми лет. За это время писатель был выслан из страны, сменились не только «обстоятельства места и времени», но и адресат книги. Предназначавшаяся для Самиздата, первоначально она должна была внутри страны мобилизовать потенциальных последователей, воспитать плеяду учеников, готовых повторить предложенную автором модель поведения. Книга могла стать ещё одним актом гражданского неповиновения, родственным другим политическим акциям диссидентов — письмам протеста, демонстрациям и проч. Однако завершалась работа над текстом за границей. Массовому западному читателю тех лет, утвердившемуся в восприятии СССР как «империи зла», без сомнения, была понятна нарисованная

²⁹ А. Солженицын: *Бодался телёнок с дубом...*, с. 619.

автором картина советского общества как нравственно разложившегося, деморализованного, а значит, исторически обречённого. Успех книги, конечно, входил в планы автора, тем более, что цели коммерческие в данном случае соответствовали идеологическим. Художественная логика совпала с внелитературной мотивацией и определила завершенность концепции произведения.

Как видим, нравственный ригоризм не мешает отступлению от этических норм автора *Телёнка*. Несоответствие друг другу бытовой и творческой этики объясняется не особенностями психотипа личности (такое толкование даёт Лакшин), а подчинённостью этики идеологическим задачам, первичным в творческой логике Солженицына.

Александр Зиновьев в работе *Гомо советикус* (1982) описывал принципы функционального использования этики советским человеком:

Плохой сам по себе поступок не переживается гомососом [сокращённое от «гомо советикус» — Е.С.] как плохой, поскольку он переживается им не сам по себе, а лишь как элемент более сложного целого (блока), который не является плохим как целое³⁰.

Ироничная по тону оценка философа достаточно точна по сути, она помогает убедиться в глубинной «советскости» сознания многих диссидентов, включая Солженицына.

По справедливому замечанию Александра Даниэля, после 1968 года в диссидентском сообществе, идеологически разнородном, сложились общие «правила игры», ставшие «культурообразующим фактором». Одна из неотъемлемых её черт — «диссидентская биография»³¹. Исследователь сформулировал её основные жанровые признаки, отличные от традиционных мемуаров. «Диссидентская биография», отмечал Даниэль, представляет собой специфический диалог с властью, цель которого не переубедить оппонента, а продемонстрировать «парадигму протеста». От мемуаров «диссидентская биография» отличается повышенной дидактичностью: книга даёт пример для окружающих, являет собой детально описанную модель бытового поведения с выводами этического порядка, переплавленными в образец поведения гражданского. Бескомпромиссность — обязательное нравственное качество диссидента. Это не только принцип жизненного поведения, но и залог стратегического успеха в противостоянии режиму. Духовная свобода

³⁰ А. Зиновьев: *Гомо советикус; Мой дом — моя чужбина*. Москва: «КОРИНФ» 1991, с. 64.

³¹ А. Даниэль: *Диссидентство: культура, ускользающая от определений*. «Россия — Russia». Новая серия: Вып.1(9): *Семидесятые как предмет истории русской культуры*. Москва 1998, с. 111–125.

— нравственная ценность, более значимая, чем внешняя несвобода. Очевидно, что подобная самоидентификация логично включала в себя христианские мотивы жертвенного служения правде, искупительного подвига. Наблюдения исследователя очень точны. Действительно, в русской и советской ментальности жертва, приносимая во имя идеи, подтверждает её величие. При этом использование в «диссидентской биографии» христианского компонента не всегда свидетельствует о религиозности автора. Например, Владимир Буковский, объясняя американскому исследователю диссидентства Филипу Буббайеру причины обращения к христианским аллюзиям в своей биографии, признавался: «Религиозным я никогда не был, да уже и не стану, но это всё-таки универсальные категории. Наша цивилизация всё-таки строится вокруг христианской этики»³².

Диссидентам было свойственно универсализировать свой личный опыт. Неудивительно поэтому, что логика Солженицына в *Телёнке* полностью соответствует жанровой модели «диссидентской биографии» и вписывается в представительный ряд схожих произведений: Анатолий Марченко *Мои показания* (1967), Владимир Буковский *И возвращается ветер...* (1978), Натан Щаранский *Не убоюсь зла* (1988) и др.

Итак, нравственное измерение общественно-политических событий сближает представителей официальной и контркультуры. Герценовским принципом «Слово есть дело» руководствовались в оценке современности и те и другие. Однако для либеральной части интеллигенции, не порывавшей с официальной культурой, это правило означало нерасчленённость гражданского, творческого и повседневно-бытового поведения. Этика виделась базовой ценностью, отступление от которой обесмысливало попытки социального улучшения. Общество, полагали они, может быть нравственным только при нравственных гражданах. Диссиденты, отталкиваясь от того же исходного единства этики и практики, приходили в процессе общественной и литературной деятельности к их размежеванию. Повседневно-бытовое, литературное и общественное поведение определялось политическими целями, этика трансформировалась в ценность инструментальную, подчинённую главной задаче — развенчанию прогнившей марксистской идеологии. Твардовский и Солженицын продемонстрировали разные модели писательского поведения: один — нравственную цельность, другой — ригоризм при небезупречности личностного проживания этических законов. Начав в 1960-е годы с убеждённости в гуманистической

³² Ф. Буббайер: *Совесть, диссидентство и реформы в Советской России*. Москва: РОССПЭН 2010, с. 163.

природе социализма, писатели в 1970-е пришли к разным жизненным позициям, но, как и всё поколение «шестидесятников», могли бы сказать о себе словами Риммы Казаковой:

В ближнем бою между светом и тенью [...]
Мы отмывали грязное время.

Jelena Sieriebriakowa

„ZMYWALIŚMY Z SIEBIE BRUDNE CZASY...”
SPOŁECZNY I MORALNY IMPERATYW TWÓRCÓW Z LAT SZEŚĆDZIESIĄTYCH

Streszczenie

Autorka artykułu podjęła się zbadania problematyki etycznej w ujęciu przedstawicieli sowieckiej kultury oficjalnej i kontrkultury lat 1960. Jako przykład posłużyły jej dzienniki Aleksandra Twardowskiego i książka *Łbem o mur* Aleksandra Solżenicyna. Dochodzi ona do wniosku, że obaj pisarze kierowali się w swojej twórczości wartościami ogólnoludzkimi, jednak dla Twardowskiego etyka była wartością fundamentalną, podczas gdy dla Solżenicyna — instrumentalną w ideologicznej walce z państwem. Takie podejście do etyki, konkluduje autorka, było typowe dla sowieckiej liberalnej inteligencji i dysydentów lat 1960.

Elena Serebryakova

«WE WASHED THE DIRTY TIME...»
SOCIAL AND MORAL IMPERATIV OF THE SIXTIES

Summary

The author of this article researches the questions of ethics by the interpretations of the representatives of official Soviet culture and counterculture. As an example is the book by Alexandr Solzhenitsyn *The Oak and the Calf* and Alexandr Tvardovsky's memoirs. The author states that both the writers are oriented for human values, but for Tvardovsky the ethic was the basic value, and for Solzhenitsyn it was instrumental value in the ideological struggle against the State. This interpretations of the ethic was so typical of liberal Soviet intelligentsia and dissidents of the 1960 years.